831/02/24
Од. 4208 д.
22 апр. 1913 г.

В. Савва

ПО ВОПРОСУ О ВЛІЯНІИ ВИЗАНТІИ НА ОБРАЗОВАНІЕ ИДЕИ ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ МОСКОВСКИХЪ ГОСУДАРЕЙ

(въ отвѣтъ на рецензію проф. П. Н. Буцинскаго)

Библиотека Имп. Росс. Истор. Музея

ХАРЬКОВЪ.
Паровая Типо-Литографія М. Зильбербергъ и С-вья.
(Рыбная улица, домъ № 30-й).
1903.

Отдѣльн. оттиски изъ „Запис. Имп. Харьк. Унив.“ 1903 г.

f 31/02/24

Въ I кн. «Записокъ Харьковскаго Университета» за 1903 г. напечатана рецензія на нашу диссертацію: «Московскіе цари и византійскіе василевсы», составленная проф. П. Н. Буцинскимъ по порученію историко-филологическаго факультета. Въ виду разъясненія вопроса, которому мы посвятили наше изслѣдованіе, представляемъ тѣ соображенія, которыя возникли у насъ при чтеніи оффиціальной рецензіи.

Проф. П. Н. Буцинскій указываетъ, что мы, «не говоря ни слова о вліяніи Византіи на религ., государ., и общественную жизнь русскаго народа въ предшествующіе вѣка, начинаемъ свое изслѣдованіе прямо со второй половины XV вѣка, какъ будто бы между эпохою Ивана III и протекшими временами не было никакой связи въ дѣлѣ образованія на Руси идеи царской власти» («Зап. Имп. Харьк. Унив.», 1903 г., кн. I, часть оффиц., стр. 38). Хорошо извѣстно, что власть московскихъ государей—явленіе многопричинное, слѣдовательно и слова только о вліяніи Византіи безъ указанія на другія причины роста власти московскихъ государей не дадутъ той связи, о которой говоритъ рецензентъ. Но, такъ какъ одною изъ такихъ причинъ считается вліяніе Византіи, а объ этомъ вліяніи до Ивана III мы не говоримъ, то рецензентъ нашъ въ правѣ упрекнуть насъ за такое упущеніе. Важно ли оно послѣ появленія въ свѣтъ третьей и особенно послѣдней главы 2 вып. II т. «Рус. юрид. древн.» проф. В. И. Сергѣевича? Мы позволяемъ себѣ думать, что и съ точки зрѣнія нашего рецензента такое упущеніе не существенно, потому что въ одной изъ своихъ статей проф. П. Н. Буцинскій, задавшись вопросомъ: «какія понятія были на христіанской Руси о власти великихъ князей», отвѣчаетъ: «несомнѣнно христіанскія: они (вел. князья) назывались царями, слугами, избранниками Божіими, Его намѣстниками, государями, единодержавцами, самовластцами въ Русской землѣ и т. п. Обыкновенно говорятъ, что такія понятія—плодъ византійскаго вліянія, принесены къ намъ греческимъ духовенствомъ. Но мы въ данномъ случаѣ не видимъ никакого византійскаго вліянія, а только вліяніе христіанское. «Мы вѣримъ не въ грековъ, справедливо замѣтилъ Иванъ Грозный Поссевину, а въ Христа». То же самое могли сказать и Владиміръ св., и

Ист.-Филол. Науч. Б-ка
НКП РСФСР
Инвент. № 406485
17. IX 1937 г.

Ярославъ Мудрый, и Владиміръ Мономахъ и всѣ тѣ, которые вѣнчались по христіанскому чину. Какъ князь, такъ и простой смертный могли слышать, что при этомъ чинѣ говорилось и читалось о власти земныхъ владыкъ, каждый также могъ раскрыть книгу Св. Писанія и прочесть тамъ то, что пишется объ этой власти... «Нѣтъ власти не отъ Бога», пишетъ ап. Павелъ, «существующія же власти отъ Бога установлены; посему противящійся власти, противится Божію установленію. Начальникъ есть Божій слуга» и проч. И греки не говорили ничего новаго и, если почему-нибудь напр. въ поученіяхъ или посланіяхъ касались происхожденія и значенія власти, то просто приводили тексты изъ священныхъ книгъ Ветхаго и Новаго Завѣта. А спеціально византійскихъ понятій о преимуществахъ царской власти у насъ на Руси не было» и т. д. («Вѣнчаніе царей на царство», Вѣра и Разумъ, 1896 г. I, 1, 484—485).

Переходя къ разбору I гл. нашего изслѣдованія: «Роль Софіи Палеологъ, какъ проводника византійскаго вліянія въ Кремлѣ», проф. П. Н. Буцинскій указываетъ, что мы не соглашаемся съ «самыми знаменитыми изъ нашихъ историковъ», которые «согласно утверждаютъ, что бракъ Ивана III съ Софіей Палеологъ имѣлъ разнообразныя и важныя послѣдствія для московскаго государства» (стр. 38). Не сомнѣваемся, что рецензентъ нашъ (мнѣніе котораго, несогласное съ тѣмъ, что по его словамъ «обыкновенно говорятъ»,—а говорили такъ и авторитетные изслѣдователи,—мы только что привели) не совѣтуетъ намъ jurare in verba magistri, но упрекаетъ насъ въ томъ, что мы безъ достаточныхъ основаній не соглашаемся съ «согласнымъ мнѣніемъ» историковъ. Но, всего прежде, не всѣ историки согласно опредѣляютъ значеніе вліянія Софіи на Ивана III, что нами было отмѣчено («Моск. цари и виз. вас.», 38). Если Соловьевъ выразился, что мы не имѣемъ никакого права отвергать свидѣтельства современниковъ и ближайшихъ потомковъ о перемѣнѣ, происшедшей въ Иванѣ III послѣ брака его съ Софіей Палеологъ (Иванъ III послѣ второго брака явился государемъ грознымъ, требующимъ безпрекословнаго повиновенія и строго карающимъ за ослушаніе, возвысился до царственной недосягаемой высоты и т. д.), то Д. И. Иловайскій, котораго проф. П. Н. Буцинскій включаетъ въ рядъ тѣхъ «самыхъ знаменитыхъ историковъ», съ мнѣніями которыхъ мы не согласились, говоритъ: «вліяніе (Софіи на Ивана III) не слѣдуетъ преувеличивать на томъ основаніи, что впослѣдствіи при сынѣ и внукѣ Ивана III нѣкоторые бояре, сѣтуя на суровость и высокомѣрное обращеніе съ ними московскаго государя, приписывали эту перемѣну въ обращеніи именно Софіи Ѳоминишнѣ и пріѣхавшимъ съ нею грекамъ. Обвинять въ к. л. непріятномъ общемъ явленіи одно извѣстное лицо—это слишкомъ обычная

черта въ человѣческихъ обществахъ; бояре того времени конечно не смотрѣли на событія съ исторической точки зрѣнія, которая обязательна для историка. Повторяемъ, гордый, повелительный тонъ, принятый Иваномъ III по отношенію къ своимъ боярамъ, и казни, которыми онъ иногда каралъ ихъ наравнѣ съ другими своими подданными, прямо вытекали изъ предыдущей исторіи, нравовъ той эпохи и личнаго его характера» («Ист. Рос.» II, 503, изд. 2). Два несогласныхъ взгляда на одно и тоже явленіе: Соловьевъ полагаетъ, что благодаря Софіи въ Иванѣ III произошла перемѣна, а Д. И. Иловайскій—, что независимо отъ вліянія Софіи Иванъ III измѣнился. Приводя мнѣніе Соловьева, проф. П. Н. Бупинскій замѣчаетъ, что приводитъ мнѣніе это «не по книгѣ г. Саввы, а такъ, какъ излагаетъ оное самъ Соловьевъ въ 5 т. своей исторіи Россіи» (38). Такое замѣчаніе нашего рецензента можетъ навлечь на насъ подозрѣніе, что мы исказили мнѣніе историка, котораго высоко цѣнимъ, поэтому приведемъ мнѣніе Соловьева въ цитатѣ проф. П. Н. Бупинскаго и въ нашемъ изложеніи:

«До сихъ поръ главною заботою московскихъ князей было собираніе Русской земли, примыслы и прибытки... Мы видѣли (4-й т.), какъ всѣ отношенія духовенства, дружины, остального народонаселенія клонились къ утвержденію въ Москвѣ крѣпкаго самодержавія: въ половинѣ XV в. все уже было приготовлено къ тому, чтобы новое государство приняло именно эту форму; но отъ стараго порядка вещей оставались еще нѣкоторыя преданія, обычаи, пріемы, отъ которыхъ и нужно было освободиться.... Для успѣшнѣйшаго достиженія цѣли нужна была помощь преданій имперіи: эти то преданія и были принесены въ Москву Софіей Палеологъ. Современники замѣтили что Іоаннъ, послѣ брака на племянницѣ Императора Византійскаго, явился грознымъ государемъ на московскомъ

«Софія, по мнѣнію Соловьева, принесла съ собою преданія имперіи, которыя способствовали укрѣпленію за великимъ княземъ московскимъ высшаго значенія относительно другихъ князей. *Современники, говоритъ Соловьевъ, замѣтили, что со времени брака съ Софіей Иванъ III возвысился до царственной недосягаемой высоты въ отношеніи князей и дружины, приписали эту перемѣну внушеніямъ Софіи, и мы не имѣемъ никакого права отвергать ихъ свидѣтельства* (нашъ курсивъ). Ссылаясь на свидѣтельства Курбскаго и Берсеня, Соловьевъ имѣетъ въ виду, что свидѣтельства эти принадлежатъ лицамъ пристрастнымъ, и потому указываетъ на Герберштейна и лѣтописцевъ, подтверждающихъ недовольныхъ князя и боярина. Отмѣчая вліяніе Софіи на перемѣну отношеній Ивана III

великокняжескомъ столѣ; онъ первый получилъ названіе грознаго, п. ч. явился для князей и дружины монархомъ, требующимъ безпрекословнаго повиновенія и строго карающимъ за ослушаніе, возвысился до царственной недосягаемой высоты, предъ которой бояринъ, князь, потомокъ Рюрика и Гедимина должны были благоговѣйно преклониться наравнѣ съ послѣднимъ изъ подданныхъ; по первому мановенію Грознаго Іоанна головы крамольныхъ князей и бояръ лежали на плахѣ. *Современники и ближайшіе потомки приписали эту перемѣну внушеніямъ Софіи, и мы не имѣемъ никакого права отвергать ихъ свидѣтельства»* (курсивъ рецензента; 38—39).

къ князьямъ и боярамъ, Соловьевъ указываетъ, что къ половинѣ XV в. «всѣ отношенія духовенства, дружины и остальнаго населенія клонились къ утвержденію въ Москвѣ крѣпкаго самодержавія, что къ этому времени все уже было приготовлено къ тому, чтобы новое государство приняло эту форму; но отъ стараго порядка вещей оставались еще нѣкоторыя преданія, обычаи, пріемы, отъ которыхъ надо было освободиться». Въ дѣлѣ освобожденія отъ нихъ помогла Софія» («Моск. ц. и виз. в.», 6).

Выдвинувъ на первый планъ слѣдствія брака Ивана III съ Софіей и передавъ отчасти своими словами, отчасти дословно мнѣніе Соловьева, мы отмѣтили еще, что Соловьевъ приписалъ вліянію Софіи на Ивана III вѣнчаніе имъ внука своего на царство и рѣшимость свергнуть татарское иго («Моск. ц. и виз. в.», 6).

Слѣдующее замѣчаніе нашего рецензента: «намъ кажется въ высшей степени страннымъ, что авторъ разбираемой нами книги, приводя взглядъ о вліяніи брака Ивана III съ Софіей Палеологъ даже такого историка, какъ кн. Щербатовъ, въ то же время игнорируетъ мнѣніе по тому же предмету проф. Дьяконова и Ключевскаго; вѣдь взгляды этихъ историковъ и особенно столь авторитетнаго пр. Ключевскаго не могутъ не заслуживать вниманія со стороны молодого ученаго» (39). Мнѣніе кн. Щербатова мы привели потому, что оно оказало большое вліяніе на Карамзина, а Карамзинъ на нѣкоторыхъ послѣдующихъ историковъ, взглядъ же проф. Дьяконова на слѣдствія брака Ивана III съ Софіей нами не приведенъ потому, что авторъ «Власти московскихъ государей», не представляя какихъ либо новыхъ соображеній, повторяетъ мимоходомъ мнѣнія другихъ о существенныхъ измѣненіяхъ въ обиходѣ придворной жизни московскаго государя благодаря Софіи, говоритъ о возникновеніи цѣлаго штата придворныхъ должностей въ Москвѣ, о рѣшимости Ивана III

свергнуть татарское иго вслѣдствіе настояній Софіи («Власть московск. государей», 65). Затѣмъ, проф. В. О. Ключевскій, взглядъ котораго на слѣдствія брака Ивана III съ Софіей приводитъ нашъ рецензентъ изъ «Краткаго пособія по русской исторіи» (замѣтимъ, что о слѣдствіяхъ брака Ивана III съ Софіей проф. Ключевскій говоритъ и въ «Боярской думѣ», 247—248, изд. 3), не задаваясь цѣлью спеціально изслѣдовать сферу вліянія Софіи, повторилъ нѣкоторыя прежнія мнѣнія историковъ объ этомъ вліяніи, не указавъ, почему онъ одно принялъ, а о другомъ умолчалъ. В. О. Ключевскій, представляется намъ, коснулся сферы вліянія Софьи, но не обрисовалъ всей этой сферы.

Указывая, что «ни свидѣтельство лицъ близкихъ къ эпохѣ, ни мнѣнія столькихъ авторитетовъ не убѣждаютъ г. Савву: онъ отрицательно относится къ вліянію Софіи на мужа, къ появленію при Московскомъ дворѣ пышнаго этикета, новыхъ чиновъ и должностей» и т. д., проф. П. Н. Буцинскій говоритъ, что мы, «съ цѣлью что-нибудь опровергнуть, прибѣгаемъ къ софистическимъ пріемамъ» (40), и приводитъ два примѣра такихъ, по его мнѣнію, пріемовъ. Остановимся на этихъ примѣрахъ: «на стр. 28 авторъ говоритъ: У Татищева находится *неизвѣстно* (?) откуда почерпнутое имъ извѣстіе, будто, когда Иванъ III сообщилъ своимъ матери, дядѣ, князьямъ и боярамъ о требованіи отъ него покорности и дани ханомъ Ахматомъ, многіе посовѣтовали ему умирить хана дарами, Софія же съ плачемъ стала убѣждать своего супруга свергнуть постыдное татарское иго... Князь великій, читаемъ у Татищева, весьма удивился совѣту ея. Это извѣстіе, по мнѣнію автора, невѣрно, потому что Иванъ не могъ быть удивленнымъ совѣтомъ Софіи, такъ какъ, по свидѣтельству Герберштейна, Софія давно тяготилась отношеніями своего супруга къ золотой ордѣ и явно роптала на нихъ. Но Савва въ тоже время и не вѣритъ свидѣтельству Герберштейна, что Софія еще прежде нашествія Ахмата побуждала своего супруга избавиться отъ татарскаго ига, ежедневно упрекая его за даннические отношенія. Очевидно, пишетъ авторъ (стр. 31, 55), Софія никогда до этого времени не убѣждала своего супруга прекратить даннические отношенія къ Золотой Ордѣ, въ противномъ случаѣ Иванъ (какъ свидѣтельствуетъ Татищевъ) не удивился бы ея совѣту. Это одинъ курьезъ»... (40 — 41). Рецензента нашего удивляетъ, что мы называемъ извѣстіе Татищева неизвѣстно откуда почерпнутымъ. Извѣстно, что Татищевъ пользовался лѣтописями до насъ не дошедшими, сообщаемое же Татищевымъ извѣстіе, которое мы привели, не подтверждается извѣстными намъ лѣтописями, поэтому мы отмѣтили, что извѣстіе Татищева—неизвѣстно откуда почерпнуто. Сравнивая Татищевское извѣстіе съ лѣтописными, мы указали, что первое не

подтверждается послѣдними (стр. 29—30) и отмѣтили, что сообщаемыя Татищевымъ слова Софіи къ Ивану III: «отецъ мой и мать не хотѣхомъ дань давати» вызываютъ недоумѣніе, ибо врядъ ли отецъ Софіи совѣщался съ нею или слушалъ мнѣнія ея, въ то время малолѣтней; поэтому, не рѣшаясь принять извѣстіе Татищева (объ этихъ основаніяхъ, которыя побудили насъ не назвать извѣстіе Татищева вѣрнымъ, нашъ рецензентъ не говоритъ), мы указали, что по словамъ Татищевскаго извѣстія Иванъ III «велми удивися совѣту» Софіи. «Очевидно, пишемъ мы, Софія никогда до этого времени не убѣждала своего супруга прекратить даннические отношенія къ золотой ордѣ, въ противномъ случаѣ Иванъ III не удивился бы ея совѣту. Но Герберштейнъ, который бывалъ въ Москвѣ въ то еще время, когда память о Софіи была свѣжа, сообщаетъ, что Софія убѣдила своего супруга притворяться больнымъ всякій разъ, когда пріѣзжали къ нему золотоордынскіе послы и т. д., что она ежедневно упрекала своего супруга за даннические его отношенія къ золотой ордѣ. Если сообщаемое Герберштейномъ вѣрно, если Софія тяготилась отношеніями своего супруга къ золотой ордѣ и явно роптала на нихъ, непонятно, почему рѣчь Софіи, побуждавшей выступить противъ Ахмата, вызвала удивленіе Ивана III» («Моск. ц. и виз. в.», 31). Заключеніе: «очевидно, Софія никогда до этого времени не убѣждала своего супруга» и т. д., которое слѣдуетъ непосредственно послѣ нами приведеннаго извѣстія Татищева: «князь Великій велми удивися совѣту ея» (Софіи), нашъ рецензентъ принялъ не какъ выводъ изъ извѣстія Татищева, а какъ наше убѣжденіе, что Софія никогда не уговаривала Ивана III свергнуть татарское иго. Возможно, что виноваты мы сами, потому что не добавили: очевидно, изъ того, что Иванъ III по извѣстію Татищева удивился, вытекаетъ, что Софія и т. д. Что касается извѣстія Герберштейна, что Софія тяготилась даннической отношеніями своего супруга къ золотоордынскому хану и убѣждала своего супруга свергнуть татарское иго, то мы въ своемъ изслѣдованіи не называемъ такое извѣстіе невѣрнымъ, напротивъ, отмѣчаемъ на той же 31 стран., на которую указываетъ нашъ рецензентъ, что Герберштейнъ бывалъ въ Москвѣ въ то время, когда память о Софіи была тамъ свѣжа, изъ чего слѣдуетъ, что мы не относимся къ извѣстію Герберштейна скептически. Не отрицая, что Софія могла убѣждать своего супруга свергнуть татарское иго, мы указываемъ на основаніи лѣтописей, что сверженія ига татарскаго желали и мать Ивана III, и дядя его, бояре и др. (32—33), что мысль о сверженіи татарскаго ига была на Руси не новою, что она не могла не быть у Ивана III, (34), причемъ обращаемъ вниманіе на то, что Иванъ III въ 1474 г. заключилъ союзъ съ Менгли-Гиреемъ про-

тивъ Ахмата. Ожидая, что и въ этомъ союзѣ могутъ усмотрѣть вліяніе Софіи на основаніи извѣстій Герберштейна и Татищева, мы указываемъ, что такому заключенію препятствовало бы извѣстіе Татищева, и что предложеніе Ивану III союза противъ «общихъ недруговъ» послѣдовало со стороны Менгли-Гирея (стр. 55).

Перейдемъ къ другому «курьезу»: «Если бы Софія, пишетъ г. Савва, сильно желала свержения татарскаго ига, какъ это можно заключить изъ рѣчи ея къ Ивану III, сообщаемой Татищевымъ, то она не стремилась бы подалѣе отъ Москвы, но находилась бы въ ней, чтобы поддержать въ супругѣ навѣянную ея рѣчью рѣшимость вступить въ борьбу съ Ахматомъ. Но откуда же извѣстно, что Софія стремилась уйти изъ Москвы, когда мы знаемъ, что самъ Иванъ въ моментъ нашествія Ахмата услалъ ее съ своею казною на сѣверъ. Очевидно, г. Савва только тогда повѣрилъ бы сильному желанію Софіи избавиться отъ татарскаго ига, еслибъ она съ мечемъ въ рукахъ отправилась бы на Угру, но этого нельзя требовать отъ нея, когда самъ Великій князь туда пришелъ, увидѣлъ и убѣжалъ» (41). Приводя выдержку изъ нашего изслѣдованія («Моск. ц. и виз. в.», 31), проф. П. Н. Буцинскій на 30 стр. того же изслѣдованія читалъ: «нѣкоторыя лѣтописи, говоря о возвращеніи Софіи, замѣчаютъ: «пріиде изъ бѣговъ, бѣ бо бѣгала за Бѣлоозеро и съ боярынями отъ Татаръ, а не гонима никимъ же» (П. С. Р. Л. IV, 154; VI, 21 и 232). Никоновская лѣтопись, говоря о возвращеніи Софіи въ Москву, добавляетъ: «отсылалъ бо ея князь великій на Бѣлоозеро Татарскаго ради нахожения».... Возможно, что Софія удалилась изъ Москвы по желанію Ивана III; по крайней мѣрѣ Никоновская лѣтопись говоритъ, что Софію отослалъ великій князь на Бѣлоозеро «татарскаго ради нахожения» («Моск. ц. и виз. в», 30—31). Вотъ отвѣтъ рецензенту нашему на вопросъ его: «Откуда же извѣстно, что Софія стремилась изъ Москвы, когда мы знаемъ, что самъ Иванъ услалъ ее». Изъ нашихъ словъ ясно, что Никоновская лѣтопись говоритъ объ отправленіи Софіи изъ Москвы Иваномъ III (П. С. Р. Л., XII, 212), лѣтопись же Новгородская 4-я (тамъ же IV, 154), Софійскія первая и вторая (тамъ же, VI, 21 и 232) и Воскресенская (тамъ же, VIII, 213) не говорятъ, что Софію Иванъ III выслалъ изъ Москвы; Новгородская и Софійскія лѣтописи отмѣчаютъ, что Софія «бѣгала за Бѣлоозеро», т. е. далѣе того мѣста, куда отправлялъ ее по показанію Никоновской лѣтописи Иванъ III. Не такъ какъ Софія, поступили мать и старшій сынъ Ивана III—Иванъ молодой. Мать Ивана III осталась въ Москвѣ, а Иванъ молодой, вопреки приказу отца, не оставилъ войска, стоявшаго противъ татаръ. Мы указали, что въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ, въ томъ числѣ и въ Воскресенской, послѣ описанія похода къ Угрѣ по-

мѣщено воззваніе, въ которомъ авторъ, убѣждая русскихъ защищать свое отечество, дабы не имѣть участи другихъ великихъ и славныхъ земель «еже Болгаре глаголю и рекоміи Греци, и Трапизонь и Аморія», говоритъ, что онъ видѣлъ «великихъ государь, избѣгшихъ отъ Турковъ со имѣніемъ и скитающеся яко странніи»... («Моск. ц. и виз. в.»; 30, прим. 2). Ясно, о комъ говоритъ авторъ воззванія, ясно также, что отъѣздъ Софіи изъ Москвы возбудилъ негодованіе современниковъ. И мы не въ правѣ игнорировать это негодованіе. Современники негодовали на Софію за то, что она бѣжала изъ Москвы въ виду нашествія Ахмата, и мы отъ Софіи, вслѣдъ за современниками, не потребовали, чтобы «она съ мечемъ въ рукахъ отправилась бы на Угру», какъ выразился нашъ рецензентъ, но были бы вполнѣ удовлетворены, если бы Софія оставалась въ Москвѣ, что ясно высказали въ своемъ изслѣдованіи: «но находилась бы (Софія) въ ней (въ Москвѣ), чтобы поддержать и т. д.». О походѣ Ивана III къ Угрѣ проф. П. Н. Буцинскій, вѣря въ данномъ случаѣ показаніямъ лѣтописей, выражается: «пришелъ, увидѣлъ и убѣжалъ». Остроумно сказано, но при этомъ «бѣгунѣ» пало татарское иго безъ пролитія капли русской крови.

Далѣе, рецензентъ насъ упрекаетъ въ томъ, что мы, приводя извѣстіе Контарини, «скрыли самое главное: Иванъ III принималъ въ лицѣ Контарини не посла, а только частнаго человѣка, случайно попавшаго въ Москву, котораго московскіе купцы выкупили у татарскаго хана изъ плѣна и, значитъ, ни въ какомъ случаѣ Иванъ III не могъ удостоить Контарини торжественнаго пріема» (41). Почтенный рецензентъ не обвинилъ бы насъ въ «сокрытіи самаго главнаго», если бы, провѣряя цитированную нами 114 и слѣдующія страницы описанія путешествія Контарини («Моск. цари и виз. в.», 24), не оставилъ безъ вниманія конца 115 и начала 116 стран. того же описанія Контарини: «послѣ обѣда (у Ивана III) мнѣ, говоритъ Контарини, приказано было встать съ своего мѣста и снова подойти къ Государю. Онъ весьма ласково простился со мною и громкимъ голосомъ, слышнымъ для всѣхъ, возобновилъ увѣренія въ благосклонности своей къ Свѣтлѣйшей нашей Республикѣ. За симъ подали мнѣ серебряную чашу..., говоря, что Великій Князь дарить мнѣ ее... Таковой даръ почитается при Московскомъ дворѣ знакомъ особенной милости, оказываемой однимъ только посламъ и другимъ значительнымъ особамъ». На 113 стр. описанія своего путешествія Контарини говоритъ: «Великій князь пригласилъ меня къ себѣ обѣдать и приказалъ объявить мнѣ, что онъ не только согласенъ на отъѣздъ мой, но даже намѣренъ оказать услугу Свѣтлѣйшей нашей Республикѣ, заплативъ за меня русскимъ и татарамъ весь мой долгъ». Немного далѣе,

на стр. 119—122, Контарини описываетъ пріемъ, оказанный ему польскимъ королемъ, чрезъ владѣнія котораго онъ проѣзжалъ изъ Москвы. Изъ этого описанія видно, что король также принималъ Контарини какъ посла Венеціи, а не какъ частное лицо; Контарини разсказываетъ, что за столомъ «по правую сторону Его Величества сидѣли сыновья его, а по лѣвую Епископъ, и рядомъ съ нимъ я, такъ что Государь находился почти возлѣ меня. Вельможи Польскіе размѣстились по другимъ столамъ, нѣсколько подалѣе» (стр. 121). Намъ кажется, что даже изъ того отрывка описанія Контарини, которое приведено въ нашемъ изслѣдованіи, врядъ-ли можно заключить, что Иванъ III принималъ въ лицѣ Контарини частнаго человѣка: «Великій Князь сдѣлалъ мнѣ ласковый пріемъ, въ самыхъ привѣтливыхъ выраженіяхъ поручилъ увѣрить Свѣтлѣйшую Республику въ искреннемъ его дружествѣ» (Моск. ц. и виз. в., 24). Даютъ ли такія порученія частнымъ лицамъ? Если Иванъ III обращался такъ ласково съ частнымъ лицомъ и оказывалъ ему почетъ: дарилъ его какъ посла или знатнаго человѣка, приглашалъ къ себѣ на обѣдъ, то можетъ ли это свидѣтельствовать, что «государь сталъ менѣе доступенъ, замкнутъ въ своемъ величіи»? (см. «Моск. ц. и виз. в.», 23—24).

Перейдемъ къ слѣдующему замѣчанію проф. П. Н. Бушинскаго. Существуетъ мнѣніе, что при дворѣ Ивана III благодаря Софіи появились новые чины, обряды, по подобію чиновъ и обрядовъ византійскихъ. Какъ провѣрить такое голословное мнѣніе? Намъ кажется, надо сравнить появившіеся при московскомъ дворѣ благодаря вліянію Софіи чины и обряды съ византійскими чинами и обрядами, и это мы сдѣлали въ нашемъ изслѣдованіи, обратившись къ перечню византійскихъ чиновъ у Кодина. На это намъ проф. П. Н. Бушинскій возражаетъ: «никто изъ историковъ и не говоритъ, что Софія принесла съ собою византійскую табель о рангахъ и что Иванъ III копировалъ ее. И современники и историки замѣчаютъ только о появленіи при дворѣ Ивана новыхъ чиновъ и указываютъ на связь оныхъ съ женитьбою этого государя на византійской принцессѣ. Значитъ, чтобы опровергнуть эту связь, нужно прежде всего сравнить чины и должности при Иванѣ III въ первую половину его княженія съ чинами и должностями во второй половинѣ. Но авторъ этого не дѣлаетъ» (42). И мы не говорили, что Софія принесла съ собою византійскую табель о рангахъ, но обратились къ болѣе близкому ко времени паденія Византійской имперіи писателю, перечисляющему византійскіе чины, въ той мысли, что если благодаря вліянію своей супруги,—а вліяніе это было византійское,—Иванъ III учреждалъ новые чины, то чины эти должны быть подобны византійскимъ. Но нашъ рецензентъ разсуждаетъ иначе: надо сравнить,

говоритъ онъ, чины и должности при Иванѣ III въ первую половину его княженія съ чинами и должностями во второй половинѣ, а этого мы не сдѣлали. О чинахъ по Кодину мы начинаемъ говорить съ конца 49 стран.: «чтобы судить, на сколько можно видѣть въ новыхъ московскихъ чинахъ, появившихся при дворѣ Ивана III» и т. д., а 8 строками выше этихъ нашихъ словъ на той же страницѣ въ нашемъ изслѣдованіи напечатано: «При дворѣ Іоанна III появились, если судить по «Списку старинныхъ бояръ, дворецкихъ, окольничихъ и нѣкоторыхъ другихъ придворныхъ чиновъ», принадлежащему Шереметевой, слѣдующіе чины: казначея, постельничаго, ясельничаго, учрежденные въ 1495 г., и конюшаго, учрежденный въ 1496 г. Врядъ ли для учрежденія этихъ четырехъ чиновъ при дворѣ Іоанна III понадобилось вліяніе Софіи». Изъ приведеннаго нами извѣстія Шереметевской книги ясно, что новые чины при дворѣ Ивана III учреждены во вторую половину его княженія, въ первую же половину княженія Ивана III ни одинъ чинъ не былъ учрежденъ. Теперь, по совѣту нашего рецензента, сравнивая 4 чина, появившіеся во вторую половину княженія Ивана III, съ неучрежденіемъ чиновъ въ первую половину того-же княженія, получимъ, что въ первую половину княженія Ивана III не было учреждаемо чиновъ, а учреждены были 4 чина въ 1495 г. и 1496 гг., т. е. во вторую половину Иванова княженія. Пришли ли мы къ важному заключенію сравнительно съ сказаннымъ въ нашемъ изслѣдованіи, что по свидѣтельству Шереметевской книги новые чины при дворѣ Ивана III были учреждены въ 1495 и 1496 гг., изъ чего ясно, что чины эти были учреждены во второй половинѣ княженія Ивана III? Представляя перечень чиновъ по Кодину, мы, на основаніи показаній Кодина, отмѣчали, какой чинъ ко времени Кодина свободенъ былъ отъ обязанностей, но подсчета такимъ чинамъ не сдѣлали, вслѣдствіе чего не точно выразились: «нѣкоторые изъ этихъ чиновъ не несли обязанностей». Рецензентъ, подсчитавъ такіе чины, совершенно вѣрно исправилъ нашу неточность, указавъ, что «23 чина, почти треть, не несли обязанностей, и значитъ, Ивану не было никакой надобности вводить эти чины при своемъ дворѣ; затѣмъ семь чиновъ несли службу во флотѣ, но вѣдь въ Россіи тогда совсѣмъ не было флота (мы не сдѣлали такого заключенія, полагая, что читающіе нашу книгу знаютъ, что Россія при Иванѣ III флота не имѣла); нельзя также искать при дворѣ Ивана такихъ чиновъ, какъ Великій Контоставлъ—начальникъ франковъ, Аколуфъ—начальникъ варяговъ, Логаріастъ—казначей наемныхъ войскъ, какъ предсѣдатель Влахернскаго дворца; далѣе четыре чина несли церем. обязанности, но въ Москвѣ эти обязанности возлагались на окольничихъ и т. д.» (42). Если «и т. д.» нашего

рецензента означаетъ, что и прочіе византійскіе чины не подходили къ московскому двору, если нашъ рецензентъ полагаетъ. что чины, бывшіе при византійскомъ дворѣ во времена близкія къ паденію византійской имперіи, не служили образцомъ для Ивана III, когда тотъ учреждалъ 4 чина, то съ такимъ предположеніемъ согласно наше мнѣніе: «врядъ ли для учрежденія этихъ четырехъ чиновъ при дворѣ Ивана III понадобилось вліяніе Софіи, которая, допустимъ, знала византійскую табель о рангахъ» (Моск. ц. и виз. в., 49).

Далѣе, проф. П. Н. Буцинскій пишетъ: «на стр. 41 авторъ задается вопросомъ—могла ли вообще Софія быть проводникомъ византійскихъ идей? Прямого отвѣта онъ не даетъ, но замѣтимъ, что склоняется скорѣе къ отрицательному отвѣту. Въ одномъ мѣстѣ Савва говоритъ, что Софія не была свидѣтелемъ блеска и величія византійской имперіи,—въ другомъ, что жизнь ея въ Римѣ врядъ ли располагала ее къ развитію въ себѣ какихъ либо гордыхъ помысловъ (44). Все это только предположенія, которыя ни въ какомъ случаѣ не могутъ ослабить ни мнѣнія историковъ, ни свидѣтельствъ источниковъ» (42). Слѣдовательно, проф. П. Н. Буцинскій полагаетъ, что Софія была свидѣтелемъ блеска и величія византійской имперіи. Мы согласимся съ такимъ мнѣніемъ, если почтенный рецензентъ докажетъ, что XV в. былъ вѣкомъ блеска и величія Византійской имперіи, а не временемъ упадка ея (не думаемъ, чтобы Софія, вступившая въ 1472 г. въ бракъ съ Иваномъ III, родилась ранѣе начала XV в., поэтому говоримъ о XV в.). Второе наше «только предположеніе»—что жизнь въ Римѣ не располагала Софію къ развитію въ себѣ гордыхъ помысловъ, основано на письмѣ кардинала Виссаріона къ наставнику Софіи и братьевъ ея. Содержаніе письма этого нами приведено (43—44), и здѣсь припомнимъ только, что Виссаріонъ совѣтуетъ Софіи и братьямъ ея помнить, что они изгнанники, сироты, нищіе, безъ благодѣянія другихъ не имѣющіе возможности существовать и т. д., требуетъ, чтобы наставникъ Софіи и братьевъ ея внушалъ бы своимъ питомцамъ духъ покорности. Мы не допускаемъ мысли, что нашъ рецензентъ не обратилъ вниманіе на письмо это, поэтому намъ интересно было бы знать, почему проф. П. Н. Буцинскій думаетъ, что жизнь въ Римѣ на папскихъ хлѣбахъ изъ милости располагала Софію къ развитію въ себѣ гордыхъ помысловъ? Упрекнувъ насъ въ этихъ двухъ предположеніяхъ, проф. П. Н. Буцинскій пишетъ: «Софія несомнѣнно была образованной женщиной, никогда не забывала и всегда чувствовала высоту своего происхожденія. Въ Троицѣ-Сергіевомъ монастырѣ хранится шитая шелковая пелена собственнаго рукодѣлія Софіи; она была вышита въ 1498 г. Упомянувъ объ этомъ издѣліи Софіи, проф. Ключевскій замѣчаетъ: Въ 26 лѣтъ замужества Софьѣ,

кажется, пора было забыть про свое дѣвичество,—однако въ подписи на пеленѣ она все еще величаетъ себя царевной цареградской, а не великой княгиней московской» (42—43). Почему «несомнѣнно», что Софія была образованной женщиной? Изъ письма кардинала Виссаріона къ наставнику Софіи и братьевъ ея, источника для сужденія о степени образованности Софіи, мы узнаемъ, что при ней и братьяхъ ея состояли учитель грекъ и учитель латинскаго языка («Моск. ц. и виз. в.», 44), но чему они учили Софію и братьевъ ея, неизвѣстно; слѣдовательно, сужденіе проф. П. Н. Буцинскаго о Софіи, какъ образованной женщинѣ, только предположеніе. Подпись Софіи на пеленѣ, на которую указываетъ нашъ рецензентъ, и о которой, сколько намъ извѣстно, говоритъ проф. В. О. Ключевскій въ своихъ лекціяхъ, несомнѣнно показываетъ, что Софія помнила свое происхожденіе, въ чемъ мы не сомнѣвались, но доказываетъ ли подпись на пеленѣ, что Софія могла быть проводникомъ византійскаго вліянія?

Далѣе, проф. П. Н. Буцинскій намъ возражаетъ: «г. Савва, приводя извѣстную бесѣду Берсеня съ Максимомъ Грекомъ, пишетъ: Изъ словъ Берсеня вытекаетъ, что вліяніе Софіи Палеологъ проявилось не на супругѣ ея, но на сынѣ ея (стр. 36). Но вѣдь Берсень прямо говоритъ: Какъ пришла сюды мать В. князя В. кн. Софія съ вашими греки, такъ наша земля замѣшалась и пришли нестроенія великіе»... (43) Тутъ, кажется намъ, недоразумѣніе. Словами Берсеня, приведенными нашимъ рецензентомъ, начинается изложеніе бесѣды въ нашемъ изслѣдованіи, но мы приводимъ не только эти слова Берсеня: изъ переданной нами бесѣды ясно, что Берсень недоволенъ Василіемъ III, котораго онъ предъ Максимомъ Грекомъ порицаетъ за перемѣну старыхъ обычаевъ: несовѣтіе, высокоуміе, тогда какъ объ отцѣ его Иванѣ III отзывается какъ о государѣ добромъ, ласковомъ къ людямъ, жаловавшимъ тѣхъ, которые «противъ его говаривали»; при этомъ мы указали, что и князь Курбскій ставилъ въ примѣръ Ивану IV дѣда его Ивана III, далеко расширившаго границы своихъ владѣній и свергнувшаго татарское иго «многаго его совѣта ради съ мудрыми и мужественными сигклиты его: бо зѣло, глаголютъ, его любосовѣтна быти, и ничтоже починати безъ глубочайшаго и многаго совѣта» («Моск. ц. и виз. вос.», 36—37). Слѣдовательно, мы не вводимъ въ заблужденіе даже позабывшаго содержаніе бесѣды («Слѣдствен. дѣло Максима Грека», Сборн. кн. Оболенскаго, 1838 г., № 3, стр. 4—8). Бесѣда Берсеня съ Максимомъ Грекомъ, которую проф. П. Н. Буцинскій назвалъ «извѣстной», дѣйствительно извѣстна даже изъ учебника по русской исторіи Д. И. Иловайскаго, который выводитъ иное заключеніе изъ бесѣды, чѣмъ нашъ рецензентъ; повѣствуя о государствованіи Ва-

сиія III, названный составитель учебника говоритъ: «боярин Берсень-Беклемишевъ вздумалъ громко жаловаться на то, *что великій князь слѣдуетъ новымъ обычаямъ, привезеннымъ его матерью Софьею,* и что онъ рѣшаетъ всѣ дѣла «запершись самъ-третей у постели» (изд. 20, стр. 114, старшій возрастъ).

Слѣдующее замѣчаніе проф. П. Н. Буцинскаго: «чтобы заключить разборъ этой первой главы, я еще приведу одно мѣсто для характеристики полемическихъ пріемовъ г. Саввы. На стр. 35 читаемъ: Никто изъ русскихъ историковъ не отрицаетъ государственнаго ума Ивана III, его умѣнья продолжать съ успѣхомъ дѣла своихъ предшественниковъ, но, если рѣчь зайдетъ о вліяніи Софіи на супруга ея, вліяніе это изображается столь сильнымъ, что на долю личной инициативы Ивана остается очень немногое; *оказывается, что все, что дѣлалось Иваномъ III послѣ брака съ Софіей, дѣлалось подъ ея вліяніемъ и было результатомъ этого вліянія* (курсивъ рецензента)... *На самомъ дѣлѣ, какъ всѣмъ извѣстно, никто изъ историковъ такъ не думаетъ, и авторъ просто навязываетъ имъ такое крайнее мнѣніе*» (43). На 38 стр. своей рецензіи проф. П. Н. Буцинскій писалъ: «*каждому читателю:.. ясно, что даже самые знаменитые изъ нашихъ историковъ... согласно утверждаютъ, что бракъ Ивана III съ Софіей Палеологъ имѣлъ разнообразныя и важныя послѣдствія для Московскаго государства*». Какія послѣдствія? Рѣшимость свергнуть татарское иго, сношенія Москвы съ Западной Европой, появленіе при московскомъ дворѣ пышнаго этикета и новыхъ чиновъ, несовѣтіе и высокоуміе, полученіе правъ на византійскую имперію, принятіе царскаго титула, вѣнчаніе на царство Димитрія Ивановича, идеалъ единовластнаго и самовластнаго государя, покореніе Новгорода, уничтоженіе удѣловъ— вотъ слѣдствія брака Ивана III съ Софіей, какъ думаютъ тѣ изслѣдователи, взгляды которыхъ мы привели въ нашей работѣ (стр. 2 и слѣд.). Что же дѣлалъ Иванъ III? Былъ исполнителемъ того, что ему указывалось, но не всегда послушнымъ, напримѣръ, вмѣсто того, чтобы свергнуть татарское иго, Иванъ III къ Угрѣ «пришелъ, увидѣлъ и убѣжалъ».

Заключивъ: «вообще даже изъ разбора первой главы книги» Моск. ц. и виз. в.» я пришелъ къ убѣжденію, что на автора ея не всегда можно положиться», проф. П. Н. Буцинскій, переходя къ разбору второй главы нашего изслѣдованія, пишетъ: «авторъ передаетъ разные взгляды на характеръ отношеній византійскаго императора къ церкви..., но приводитъ мнѣнія объ этомъ предметѣ только русскихъ изслѣдователей—проф. Курганова, Лебедева и Остроумова, изложенныя на одной страницѣ. Не знаю почему, но авторъ въ данномъ случаѣ совершенно игнорируетъ

изслѣдованіе по тому же предмету Скабалановича: Византійское государство и церковь въ XI в. Затѣмъ на 16 страницахъ сообщаются тѣ случаи, когда императоры византійскіе усвояли себѣ и имъ усвоялось такое положеніе въ церкви, какого московск. государи никогда не занимали» (43). На одной стран. мы излагаемъ «мнѣнія», а на 14 «случаи» потому, что для насъ важнѣе «случаи», чѣмъ «мнѣнія», итоги которымъ подведены въ спеціальныхъ изслѣдованіяхъ, нами указанныхъ; въ изслѣдованіяхъ же проф. Курганова и Лебедева изложены точки зрѣнія западныхъ европейскихъ ученыхъ, вслѣдствіе чего мы не сослались для примѣра на точку зрѣнія одного изъ такихъ ученыхъ—Gasquet, книгу котораго: «De l'autorité impériale en matière religieuse à Byzance», по другому случаю, цитировали въ началѣ второй главы (58, прим. 1). Что касается труда проф. Скабалановича, то даже заглавіе этого изслѣдованія, приведенное нашимъ рецензентомъ: «Византійское государство и церковь въ XI в.» показываетъ, почему мы не ссылаемся на него, имѣя въ виду взгляды изслѣдователей на отношенія византійскихъ императоровъ къ церкви на пространствѣ всего существованія имперіи, но не одного вѣка.

Слѣдующій упрекъ нашего рецензента: «на 16 стран. (60—77) сообщаются тѣ случаи, когда императоры визант. усвояли себѣ и имъ усвоялось такое положеніе въ церкви, какого москов. государи никогда не занимали. Но чтобы читатель могъ сдѣлать сравненіе, авторъ не приводитъ параллельно такихъ же случаевъ для характеристики отношенія къ церкви москов. государей» (43). Рецензентъ нашъ правъ: мы не привели параллельныхъ случаевъ, потому что не знаемъ, когда московскіе цари назывались архіереями, іереями, учителями вѣры, владыками вселенной, не знаемъ, когда московскіе цари требовали, чтобы ихъ называли святыми и сами себя такъ называли, но мы отмѣтили, когда и кто называлъ московскихъ государей святыми (69), указали, въ какомъ смыслѣ по нашему разумѣнію московскіе цари назывались христіанскими государями (72); говоря, что византійскіе императоры кадили въ храмахъ, знаменовали съ трикиріемъ какъ архіереи, вели учительныя бесѣды съ христіанами и принимали нѣкоторое активное участіе въ богослуженіи, мы дѣйствительно не привели «параллельно такихъ же случаевъ для характеристики отношенія къ церкви, моск. государей», потому что, сознаемся, не знаемъ такихъ случаевъ [1]).

---

[1]) Намъ припоминается разсказъ архидіакона Павла Алеппскаго объ участіи въ богослуженіи царя Алексѣя Михайловича въ Саввиномъ монастырѣ: «Отъ начала до конца службы онъ (царь) училъ монаховъ обрядамъ и говорилъ, обходя ихъ: «читайте то-то, пойте такой-то канонъ»... Если они ошибались, онъ поправлялъ ихъ съ бранью, не желая, чтобы они ошибались въ присутствіи нашего владыки патріарха (Макарія

Перейдемъ къ слѣдующему замѣчанію: «далѣе на 12 стран. (78 и слѣд.) идетъ описаніе выходовъ императоровъ въ праздничные дни въ храмѣ св. Софіи и при этомъ въ примѣчаніи авторъ заявляетъ, что этотъ очеркъ составленъ по изложенію проф. Бѣляева. На самомъ же дѣлѣ эти 12 стран. буквально списаны у Бѣляева съ опущеніемъ объясненій этого изслѣдователя и перемѣняя только въ словахъ множественное число на единственное, т. е. Бѣляевъ описываетъ выходъ царей, а г. Савва выходъ императоровъ» (44). На *двѣнадцати* страницахъ мы излагаемъ по книгѣ проф. Бѣляева выходъ византійскаго императора въ храмъ св. Софіи, а у проф. Бѣляева описаніе такого же выхода занимаетъ *сто сорокъ четыре* стран., что нами указано въ нашемъ изслѣдованіи (89, прим. 1). Совершенно вѣрно, что проф. Бѣляевъ, описывая выходъ императоровъ, представилъ и объясненія названій одеждъ, дворцовыхъ покоевъ и т. п., но увѣренъ ли нашъ рецензентъ, что эти объясненія занимаютъ 132 стран.? Читавшій указанныя рецензентомъ 12 стр. нашей книги (78—89) не могъ не замѣтить, что и мы въ примѣчаніяхъ приводили тѣ изъ объясненій проф. Бѣляева, безъ которыхъ чтеніе описанія выхода византійскаго императора врядъ ли возможно, и что такія объясненія приводятся нами на каждой изъ тѣхъ 12 стр., о которыхъ говоритъ рецензентъ.

Слѣдующее возраженіе: «тутъ же (послѣ описанія выхода византійскихъ императоровъ въ храмъ св. Софіи) для сравненія слѣдовало описать выходы московскихъ царей въ Успенскій Соборъ, но этого нѣтъ, а авторъ голословно замѣчаетъ: Съ такими выходами византійскихъ императоровъ въ храмъ св. Софіи не имѣютъ *ни малѣйшаго сходства* (курсивъ рецензента) богом. выходы въ храмъ москов. государей, и при этомъ ссылка на «Дом. бытъ р. царей» Забѣлина. Что же мы читаемъ у послѣдняго? Благочестивые московскіе цари, пишетъ Забѣлинъ, подобно императорамъ византійскимъ и, безъ сомнѣнія, въ подраженіе имъ, совершали богомольные выходы въ каждый церковный праздникъ, присутствовали при всѣхъ обрядахъ и торжествахъ, отправляемыхъ церковью въ теченіе года» и т. д. Мы полагали, что читатель нашего изслѣдованія сравнитъ обрядъ выхода во храмъ византійскихъ императоровъ съ такимъ же обрядомъ выхода московскихъ царей, обрядъ же этотъ изложенъ на стран. 376—379 «Дом. быта рус. царей» И. Е. Забѣлина, и на эти страницы мы указали читателю (89, прим. 3), но не ожидали, что можетъ оказаться такой

Антіохійскаго). Словомъ, онъ былъ какъ бы типикаріемъ, т. е. учителемъ типикона (уставщикомъ), обходя и уча монаховъ. Онъ зажигалъ и тушилъ свѣчи и снималъ съ нихъ нагаръ» («Путешествіе ант. патр. Макарія въ Россію», вып. IV, стр. 126). Но, это въ параллель не идетъ.

читатель, который прочтетъ приведенныя нашимъ рецензентомъ слова П. Е. Забѣлина, а представленное имъ изложеніе обряда выходовъ московск. царей во храмы читать не станетъ. Мы предполагали сравненіе византійскаго обряда съ московскимъ обрядомъ, а не съ словами хотя бы и такого авторитетнаго историка, какъ П. Е. Забѣлинъ.

Переходя къ разбору IV гл. нашего изслѣдованія, въ которой мы говоримъ о чинахъ вѣнчаній московскихъ царей и византійскихъ, проф. П. П. Буцинскій пишетъ: «Прежде всего, авторъ принялъ на вѣру легенду, въ сущности ни на чемъ не основанную, что будто бы русскіе князья были стольниками византійскихъ императоровъ (121), что поэтому они и не могли быть вѣнчаны по чину василевсовъ».... (44). Не будемъ говорить объ этой «легендѣ», но, думаемъ, врядъ ли изъ указанныхъ рецензентомъ словъ нашихъ на 121 стр. можно вывести заключеніе, что русскіе князья не могли быть вѣнчаны по чину василевсовъ потому, что были стольниками византійскихъ императоровъ. На стр. 121 мы писали, что «при чтеніи обрядовъ хиротоній и производствъ въ чины, съ одной стороны возникаетъ предположеніе, что церковь не могла не принять участія въ обрядахъ вокняженій русскихъ князей, какъ въ актахъ болѣе важныхъ, чѣмъ возведеніе въ тотъ или другой византійскій чинъ, съ другой — представляется сходство предполагаемыхъ обрядовъ княжескихъ поставленій съ обрядами византійскихъ чинопроизводствъ». При этомъ, въ примѣчаніи, мы отмѣтили: «говоря объ этомъ сходствѣ, слѣдуетъ имѣть въ виду, что русскіе князья считались въ Византіи имѣющими чинъ стольника византійскихъ императоровъ. Возможно, поэтому, что для русскихъ князей составленъ былъ обрядъ вокняженія примѣнительно къ чину, который давался имъ въ византійской іерархіи». Изъ нашихъ словъ вытекаетъ, кажется намъ, слѣдующее: въ Византіи считали русскихъ князей стольниками (но не слѣдуетъ, что русскіе князья признавали себя стольниками и были таковыми), и потому возможно, что для русскихъ князей составленъ былъ обрядъ вокняженія примѣнительно къ чину стольника. Затѣмъ проф. П. Н. Буцинскій указываетъ, что мы, ведя обрядъ вѣнчаній на царство московскихъ государей изъ обряда кесарской хиротоніи въ Византіи, не отвѣчаемъ на вопросы: кто, когда, гдѣ, по какому поводу составилъ обрядъ вѣнчанія на великое княженіе внука Ивана III («кто-то, когда-то, по какому-то поводу составилъ для русскихъ князей чинъ вѣнчанія»). Отвѣтить на всѣ эти вопросы мы не могли за неимѣніемъ въ нашемъ распоряженіи данныхъ. Когда мы писали наше изслѣдованіе. у насъ была мысль, что при разрѣшеніи вопроса о происхожденіи чина вѣнчанія Димитрія Ивановича надо имѣть въ виду обряды вѣнчаній на царство южно-сла-

вянскихъ государей, но по наведеннымъ нами справкамъ оказалось, что чины вѣнчаній южно-славянскихъ государей не изданы. На вопросъ, почему Иванъ III, о вѣнчаніи котораго на великое княженіе мы не имѣемъ извѣстій, вѣнчалъ на великое княженіе внука своего, мы дали отвѣтъ, связывая это вѣнчаніе съ свержеміемъ татарскаго ига и политическимъ усиленіемъ московскаго государя («Моск. ц. и виз. в.», 143). Мы указали также на обстоятельства, при которыхъ произошло вѣнчаніе это: Иванъ III, опасавшись на Софію и сына Василія, вѣнчалъ внука (142—143). Далѣе, говоря о нашемъ сравненіи обряда вѣнчанія внука Ивана III съ кесарской хиротоніей, нашъ рецензентъ замѣчаетъ: «на самомъ дѣлѣ мы еще не знаемъ, по какому чину вѣнчался Д. И—ъ и есть серьезныя основанія думать, что не по этому чину было вѣнчаніе въ 1498 г.» (45). Мы, вслѣдъ за перечисленными въ нашей книгѣ изслѣдователями чиновъ вѣнчаній на царство русскихъ государей, полагали, что извѣстный намъ чинъ вѣнчанія Димитрія Ивановича есть именно тотъ чинъ, который былъ совершенъ надъ нимъ, имѣя въ виду, что чинъ этотъ извѣстенъ по записи, современной событію (См. «Описаніе слав. рук. Моск. Син. библ.» Горскаго и Невоструева, отд. III, ч. I, стр. 146). Сравнивая чинъ вѣнчанія внука Ивана III съ кесарской хиротоніей, мы указали на сходство между этими обрядами; «сходство это, пишетъ проф. П. И. Бу-

406485

цинскій, чисто внѣшнее; г. Савва не касается внутренняго смысла того и другого актовъ, а потому и приходитъ къ заключенію совершенно невѣрному. Руководясь пріемомъ автора можно указывать сходство чина вѣнчанія съ чиномъ посвященія дьякона въ священники, да еще съ большимъ правомъ уже по одному тому, что какъ вѣнчаніе, такъ и посвященіе въ священники обязательно происходятъ въ церкви, тогда какъ кесарская хиротонія—въ императ. палатѣ» (45). Что внутренній смыслъ того и другого обряда мы имѣли въ виду, ясно изъ нашего замѣчанія, что обряды вѣнчанія внука Ивана III и кесарской хиротоніи заключаютъ въ себѣ разныя молитвы (126, прим. 4), но при этомъ отличіи мы прослѣдили внѣшнее сходство между этими обрядами (126), и сходство это не отрицаетъ нашъ рецензентъ, поэтому заключеніе его: «руководясь пріемомъ автора можно указывать сходство чина вѣнчанія съ чиномъ посвященія дьякона въ священники» намъ совершенно не понятно, если только видѣть въ этихъ словахъ заключеніе. «Первый чинъ царскаго вѣнчанія, пишетъ проф. П. Н. Буцинскій, по мнѣнію автора, совершенъ надъ Иваномъ Грознымъ въ 1547 г. и (авторъ) указываетъ этотъ чинъ, ссылаясь на С. Гос. Гр. и Д. т. II стр. 41. Но достаточно бѣглаго взгляда на этотъ документъ, чтобъ утвердительно сказать, что это не чинъ вѣнчанія, а только запись о вѣнчаніи» (45). Изъ текста

чина вѣнчанія Ивана IV видно, что Иванъ IV вѣнчался на царство: «венчанъ бысть на Царство Руское».... внукъ же Ивана III вѣнчанъ былъ на великое княженіе («Моск. ц. и виз. в.», 115), поэтому не только мы, не зная случаевъ вѣнчаній на царство русскихъ князей до Ивана IV, называемъ чинъ вѣнчанія Ивана IV первымъ чиномъ царскаго вѣнчанія. Быть можетъ, бѣглый взглядъ можетъ привести къ заключенію, что въ С. Г. Г. и Д. (II, № 33) издана «запись о вѣнчаніи» Ивана IV, но мы, прочитавъ и сравнивъ эту «запись» съ тѣмъ чиномъ вѣнчанія Ивана IV, который находится въ Никоновской лѣтописи («Моск. ц. и виз. в.», 146, прим. 1), пришли не къ новому заключенію, что предъ нами чинъ вѣнчанія Ивана IV, сходный при нѣкоторыхъ отличіяхъ съ чиномъ вѣнчанія на великое княженіе внука Ивана III. Кромѣ этого чина вѣнчанія Ивана IV до насъ дошелъ еще другой чинъ вѣнчанія Ивана же IV, который, полагали мы вслѣдъ за проф. Н. В. Покровскимъ, былъ составленъ послѣ вѣнчанія на царство Ивана IV, и къ этому чину, не совершенному надъ Иваномъ IV, относится наше заключеніе (стр. 157) о которомъ нашъ рецензентъ замѣчаетъ: «г. Савва совершенно голословно утверждаетъ, что чинъ вѣнчанія Грознаго есть передѣлка чина вѣнчанія Димитрія Ивановича». Чинъ вѣнчанія Ивана IV, надъ нимъ совершенный, вполнѣ основательно названъ былъ до насъ подобнымъ чину вѣнчанія Димитрія Ивановича («Моск. ц. и виз. в.», 146 и прим. 2), къ заключенію же, что тотъ чинъ вѣнчанія Ивана IV, который былъ составленъ послѣ 1547 г., есть передѣлка чина вѣнчанія Димитрія Ивановича, насъ привели данныя, изложенныя въ нашей книгѣ (146 и слѣд.). Наше заключеніе можно оспаривать, но нельзя назвать голословнымъ. Далѣе, нашъ рецензентъ пишетъ: «говоря о чинахъ вѣнчаній на Руси, нельзя не коснуться вѣнчаній на царство въ Болгаріи и Сербіи, особенно, когда намъ извѣстно о происхожденіи нашихъ богослужебныхъ книгъ» (46). Мы уже говорили, что намѣрены были не только коснуться чиновъ вѣнчаній на царство царей Болгаріи и Сербіи, но чины эти не изданы, разыскивать же ихъ въ южно-славянскихъ библіотекахъ мы не имѣли возможности. По этой же причинѣ, должно быть, не касался этихъ чиновъ и нашъ рецензентъ въ своей статьѣ «Вѣнчаніе царей на царство», что однако не помѣшало ему говорить о чинахъ вѣнчаній на Руси («Вѣра и Разумъ», 1896 г., т. I, ч. 1, 465 и слѣд.).

Переходя къ разбору VI гл. нашего изслѣдованія, посвященной московскому посольскому обряду, проф. П. Н. Буцинскій пишетъ: «авторъ и тутъ остается вѣренъ своей тенденціи, т. е. не признаетъ никакого вліянія Византіи и на образованіе москов. посольскаго обряда, но приводимыя имъ доказательства мало убѣдительны. Въ самомъ дѣлѣ, что

можетъ доказать сопоставленіе обряда пріема византійскими императорами иноземныхъ пословъ по De cer. a. Byz. въ половинѣ X в. съ москов. посольскимъ обрядомъ, практиковавшимся во второй половинѣ XV в. и послѣ? Вѣдь за пять вѣковъ много воды утечетъ. Иное дѣло, еслибъ автору удалось найти посольскій обрядъ Византіи отъ 15 или по крайней мѣрѣ отъ 14 в. Тогда сопоставленіе было бы дѣломъ возможнымъ» (46). Слѣдовательно, сравненіе посольскаго обряда по De cer a. Byz. (а обрядъ этотъ соблюдался въ Царьградѣ не только въ X в., какъ рѣшительно полагаетъ нашъ рецензентъ; о трудности опредѣленія времени, въ теченіи котораго соблюдались обряды, изложенные въ De cer. a. B., см. хотя бы у Бѣляева, Byzantina, II, 5 и прим. 2) съ московскимъ посольскимъ обрядомъ временъ Ивана III и послѣ него не можетъ быть доказательствомъ наличности или отсутствія византійскаго вліянія на московскій посольскій обрядъ. Такая точка зрѣнія дала бы намъ возможность игнорировать мнѣніе Рамбо (ему также не удалось найти визант. пос. обрядъ отъ XV или по крайней мѣрѣ отъ XIV в.), который, обстоятельнѣе другихъ изслѣдователей трактуя вліяніе Византіи на московскій посольскій обрядъ, доказательства почерпаетъ изъ De cer. a. B. и Excerpta de legationibus gentium ad Romanos (Excerpta своимъ появленіемъ обязаны Константину Багрянородному; мнѣніе Рамбо приведено въ нашемъ изслѣдованіи на стр. 181 и слѣд.), но мы имѣли въ виду иное, приводя въ переводѣ обрядъ пріема пословъ иноземныхъ государей въ Царьградѣ по De cer. a. B. въ этомъ обрядѣ отразились византійскія политическія теоріи, опредѣлявшія отношеніе византійскихъ императоровъ къ другимъ государямъ какъ высшихъ къ низшимъ. Какъ низшіе къ высшимъ относились московскіе князья къ византійскимъ императорамъ до самаго паденія византійской имперіи, поэтому формою такихъ отношеній не могъ воспользоваться Иванъ III, вступая въ сношенія съ государствами европейскими. Вотъ почему, сопоставляя отношенія византійскихъ императоровъ къ русскимъ князьямъ (въ томъ числѣ и московскимъ) съ отношеніями Ивана III къ государямъ европейскимъ, мы не сопоставляли московскаго посольскаго обряда съ византійскимъ по De cer. a. B. (какъ полагаетъ нашъ рецензентъ), но привели этотъ обрядъ въ ряду другихъ данныхъ, какъ характеризующій отношеніе византійскихъ императоровъ къ другимъ государямъ, а въ числѣ ихъ и къ русскимъ князьямъ («Моск. ц. и виз. в.», 197—211). «Опредѣленіе характера отношеній московскихъ государей къ византійскимъ тѣмъ болѣе необходимо, говоримъ мы, что памятники сношеній между ними очень бѣдны указаніями на практиковавшійся въ этихъ сношеніяхъ посольскій обрядъ» (стр. 198). «Въ VI гл., пишетъ далѣе проф. П. Н. Буцинскій, г. Савва приходитъ къ заключенію,

что основныя черты московскаго посольскаго обряда были такія же, какъ и на западѣ Европы (стр. 270). Но авторъ нигдѣ не указываетъ, какой же посольскій обрядъ практиковался въ западно-европ. государствахъ. Для иллюстраціи своей мысли ему слѣдовало бы привести какой-нибудь конкретный случай пріема, напр. во Франціи посла отъ св. Рим. Имперіи» (46). Для нашей цѣли—прослѣдить, какимъ путемъ въ Москвѣ познакомились съ западно-европейскимъ посольскимъ обрядомъ—важны были не столько тѣ посольскіе обряды государствъ Европы, которые изложены въ изданіи Du Mont и Rousset «Le cérémonial diplomatique des cours de l'Europe, цитируемомъ въ нашемъ изслѣдованіи, сколько описанные въ статейныхъ спискахъ московскихъ пословъ пріемы, оказанные имъ при дворахъ европейскихъ государей, потому что по этимъ пріемамъ своихъ пословъ московскіе государи знакомились съ посольскими обрядами европейскихъ государей. Говоря о посольскихъ обрядахъ западной Европы, извѣстныхъ по статейнымъ спискамъ въ Москвѣ, мы имѣли въ виду описаніе этихъ обрядовъ въ изданіи Du Mont и Rousset (сравненіе статейнаго списка Потемкина съ описаніемъ его пріема въ изданіи Du Mont и Rousset сдѣлано нами на стр. 188, прим. 5), но въ нашемъ изслѣдованіи не указывали на описанія пріемовъ иноземнымъ посламъ во Франціи (op. cit. Du Mont et Rousset, IV, pag. 39), въ Вѣнѣ (ibid., p. 477), въ Испаніи, (V, p. 354), въ Польшѣ (ibid., p. 421), въ Англіи (ibid., p. 496), въ Швеціи (ibid., p. 739), въ Даніи (ibid., p. 752), потому что эти описанія не измѣняли нашего вывода: «основныя черты московскаго посольскаго обряда были такія же, какъ и на Западѣ Европы».

Въ заключеніе своей рецензіи проф. П. Н. Буцинскій, между прочимъ, говоритъ: «авторъ, вѣроятно по неопытности, слишкомъ много обращалъ вниманіе на увеличеніе ссылокъ въ своей книгѣ на такіе источники, какъ De cer. Багрянороднаго, на глоссарій Дюканжа, комментарій Рейске. Забота объ этомъ отняла у г. Саввы несомнѣнно слишкомъ много времени, а между тѣмъ экскурсіи въ упомянутые источники были предприняты по большей части безъ всякой надобности, п. ч. почти всѣ эти ссылки уже сдѣланы проф. Бѣляевымъ въ его прекрасномъ трудѣ «Byzantina» и прекрасно имъ использованы. Если г. Савва сдѣлалъ въ своемъ трудѣ до 130 ссылокъ на Byzantina, то, еслибъ прибавилъ еще сотню ссылокъ на то же сочиненіе, ему никто не поставилъ бы этого въ вину. Зачѣмъ искать то, что уже найдено» (46—47). Признаемся, это замѣчаніе вызываетъ въ насъ недоумѣніе. Насъ упрекаютъ за то, что мы пользовались источникомъ, а не пособіемъ, въ которомъ исчерпанъ источникъ? Но исчерпанъ ли онъ? Нашъ рецензентъ заставляетъ насъ привести наши ссылки на De cer. a. B. На 68 стр. II главы нашей ра-

боты мы цитируемъ De cer. a. B., указывая, когда византійскіе цари назывались святыми; на 71 стр. мы отмѣчаемъ по De cer. a. B., что византійскіе императоры назывались владыками вселенной; на 73 стр. приводимъ по De cer. a. B. рядъ случаевъ, когда императоры византійскіе совершали кажденіе въ церкви; на 74 стр.—случаи благословенія народа императорами и въ переводѣ обрядъ, которымъ сопровождалось произнесеніе поученія императоромъ народу. Въ IV главѣ нашего изслѣдованія, на 118 стр. говоря о возложеніи инсигній при хиротоніяхъ и производствахъ сановниковъ въ Византіи и на 120 стр. излагая хиритоніи и производства въ чины, мы ссылались на De cer. a. B.; на 122 стр. и слѣд. мы излагаемъ переводъ кесарской хиротоніи по De cer. a B.; на 129 стр. и слѣд. мы излагаемъ по De cer. a. B. обряды древнѣйшихъ коронацій византійскихъ императоровъ. Въ V гл. на 158 стр. и слѣд. мы переводимъ по De cer. a B. описаніе празднованія кануна Вербнаго Воскресенья и самаго праздника. Въ VI гл. на стр. 204 и слѣд. мы говоримъ объ обрядахъ пріема византійскими императорами иноземныхъ пословъ по De cer. a. B. и представляемъ переводъ одного такого обряда; на стр. 208 и слѣд. мы излагаемъ пріемъ императоромъ русск. велик. княгини Ольги. Если проф. П. Н. Буцинскій покажетъ, что всѣ указанныя нами изъ De cer. a. B. случаи, когда византійскіе императоры назывались святыми, владыками вселенной, совершали кажденіе и благословляли народъ, въ книгѣ проф. Бѣляева собраны, а также въ той же книгѣ проф. Бѣляева, которая для насъ была незамѣнимымъ пособіемъ, переведены или изложены обряды, переводы которыхъ и изложеніе мы представили по De cer. a. B., мы согласимся, что «слишкомъ много обращали вниманіе на увеличеніе ссылокъ на такіе источники, какъ De cer. a. B.» и «искали то, что уже найдено». Что касается глоссарія Дюканжа, то мы имъ пользовались при переводахъ текстовъ и ссылались на него въ оправданіе передачи нѣкоторыхъ словъ. Комментарій Рейске—необходимое пособіе при чтеніи De cer. a. B., и мы, приводя его объясненія, не могли не указывать, откуда брали ихъ. Не «заботы» объ увеличеніи ссылокъ на De cer. «отняли» у насъ «слишкомъ много времени», а изученіе De cer. a. B., но можемъ ли мы объ этомъ сожалѣть?

Проф. П. Н. Буцинскій отмѣтилъ, что мы проявили въ своемъ изслѣдованіи «любовь къ дѣлу» (47). Не полемическій задоръ, но любовь къ дѣлу побудила насъ отнестись внимательно къ замѣчаніямъ, которыя высказалъ намъ оффиціальный рецензентъ и которыя игнорировать мы не имѣли права, выразумѣть ихъ и представить въ отвѣтъ свои соображенія.

Ин. Истор.
НКП
Инв. №
193